

УДК 376.5

ИЗ ИСТОРИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ: РУССКИЙ ПРИЮТ В БЕЛЬГИИ (1920–1940-е ГОДЫ)

СЕДОВА Елена Евгеньевна,

кандидат педагогических наук, преподаватель кафедры теории, истории музыки и музыкальных инструментов

ШВЕЦ Антон Анатольевич,аспирант кафедры теории, истории музыки и музыкальных инструментов,
Воронежский государственный педагогический университет

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается деятельность русского приюта в Бельгии в 1920–1940-е годы, педагогическая деятельность А.А. Кузьминой-Караваевой.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русское национальное воспитание, русская эмиграция.

SEDOVA E.E.,

Cand. Pedagog. Sci., Lecturer of the Department of Theory and History of Music and Musical Instruments

SHVETS A.A.,Postgraduate Student of the Department of Theory and History of Music and Musical Instruments
Voronezh State Pedagogical University

FROM THE HISTORY OF NATIONAL EDUCATION: RUSSIAN ORPHANAGE IN BELGIUM (1920–1940 YEARS)

ABSTRACT. The article discusses the activities of the Russian orphanage in Belgium in 1920–1940 years, pedagogical activities of A.A. Kuzmina-Karavaeva.

KEY WORDS: Russian national education, Russian emigration.

В Русском зарубежье в 1920–1930-е гг. были созданы и успешно работали десятки русских учебных заведений, различавшихся по типу, охвату детей, источникам финансирования и т.д. Они выполняли огромные воспитательные и образовательные функции: сохранение национальной идентичности, восстановление физического и психического здоровья детей, всестороннее развитие и воспитание. Наибольшего расцвета русское школьное дело достигло к концу 20-х гг. в славянских государствах и во Франции во многом благодаря активности российского общественно-педагогического движения, наличию русских квалифицированных педагогических кадров, позитивной государственной политике и поддержке [1].

Первые начальные и средние школы возникли 1919–1920-е гг. в местах первоначального массового расселения беженцев – в Турции и Греции. Так, например, уже в 1921 г. Земско-городской комитет содержал в Стамбуле 3 гимназии, где насчитывалось свыше 900 учеников, 10 начальных школ, 10 детских садов, площадок и яслей. Другим организациям, таким как английскому благотворительному обществу, Первому армейскому корпусу русской армии, принадлежало еще 3 гимназии, 1 детский дом, приют, начальная школа.

К 1 января 1924 г., по данным Земско-городского комитета, русская беженская школьная сеть в государствах Европы состояла из 43 средних учебных заведений и 47 низших школ. В этих учебных заведениях обучалось всего 8.835 детей, из которых 6.937 человек находилось в средней школе, а 1.898 чел. – в начальной. Из обучающихся в

средней школе на полном содержании в интернатах числилось всего 4.380 детей [2].

В основном русская эмигрантская школа получила распространение в Чехословакии, Королевстве Сербии, Хорватии, Словении, Болгарии. Там функционировали 26 средних учебных заведений и 16 начальных школ, с общим числом учащихся 5510. В лимитрофах насчитывалось 11 средних и 20 начальных школ. В остальных государствах Европы было всего 11 школ [3].

В 1928–'29 учебном году в западноевропейских странах имелось 118 русских учебных заведений: из них 29 – дошкольных, 52 – начальные школы и 37 средних учебных заведений. В них обучалось 7.673 ребенка. Около 1.500 детей обучалось в школах русского коренного национального меньшинства в лимитрофах, около 1.000 детей посещали дополнительные русские курсы, включавшие изучение национальных предметов.

В качестве модели школьного образования была взята дореволюционная система России с ее делением на начальные школы и средние учебные заведения. Главное место в системе национального образования занимала средняя школа, организованная по типу восьмиклассной смешанной гимназии, соединившая реальное и гуманитарное образование. Гимназии использовали программы дореволюционных школ России с учетом требований, предъявляемых странами, приютившими эмигрантов. В новый учебный план были включены предметы «Россики» (география, Закон Божий, история и литература России, пение, русский язык).

Особняком от перечисленных типов образовательных учреждений стояли созданные в 20-е годы русские отделения при лицеях и других средних школах страны проживания (Бельгии, Германии, Франции и др.). В 30-е годы в Русском зарубежье стали создаваться воскресно-четверговые школы и дополнительные русские национальные учебные курсы по преподаванию Закона Божьего, русского языка, литературы, истории и географии России, которые компенсировали недостаток русских учебно-воспитательных учреждений. Они существовали на местные сборы и ассигнования благотворительных организаций. Русская эмиграция в Бельгии имела свои особенности. Она была достаточно однородна. Значительную ее часть составляли бывшие военные. Важным было также то, что Бельгия долгое время не признавала Советское государство. И только в 1935 г. были установлены дипломатические отношения с СССР.

Хотя бельгийское правительство и разрешило въезд русских беженцев, однако те не могли рассчитывать на широкую помощь властей. Равнодушные государственных органов к проблемам беженцев было компенсировано возникновением многочисленных общественных организаций по поддержке русских эмигрантов. Некоторые из них патронировала непосредственно королевская семья. Королева Елизавета слывла русофилкой. С большой теплотой и симпатией она относилась к выходцам из России, интересовалась их судьбой и долгие годы оказывала им помощь, поддерживала создание благотворительных комитетов в пользу русского зарубежья. Успешно действовал «Бельгийский комитет помощи гражданскому населению России», такие организации, как «Помощь бельгийских матерей русским матерям», «Бельгийский патронат русской университетской молодежи за границей» и многие другие [4].

Серьезную помощь русским беженцам оказывала католическая церковь. Особенно велика роль кардинала Мерсье в организации поддержки русских эмигрантов. Он помогал с получением виз, организовывал сбор значительных денежных средств среди бельгийского населения и в церковных приходах для беженцев. Основанная кардиналом «Бельгийская помощь русским» финансировала обучение в Лувенском университете. В католическом университете в Лувене и епископальном колледже учащиеся не только могли обучаться бесплатно, но и бесплатно столовались, имели общежитие. Кардинал Мерсье одобрил и создание при студенческом общежитии постоянно действующей православной церкви. Многие из эмигрантской молодежи смогли получить высшее образование в Бельгии (в том числе в Брюссельском, Льежском, Гентском университетах) [5].

Однако русских учебных заведений в Бельгии создано не было, и забота о национальном воспитании подрастающего поколения детей эмиграции легла на плечи замечательных русских женщин, создававших церковно-приходские школы (например, Екатерины Андреевны Леуба и Елизаветы Евгеньевны Драшусовой, долгое время возглавлявших школы при Свято-Никольском храме Брюсселя), приюты для русских детей (Анастасия Андреевна Кузьмина-Караваева).

В 1920-е годы в Бельгии имелось всего лишь три русских детских учреждения, носящих характер, скорее, приютов, постоянно действующих школ. В них находилось 245 детей. Кроме того, около

300 русских детей обучалось в бельгийских начальных и средних школах (кстати, исключительно католических). Большинство детей не только обучалось, но и содержалось бесплатно полностью за счет этих заведений; в некоторых случаях за детей платили частные благотворители или родные.

В начале 1920-х годов образуется первый приют для русских детей. Возникший в Бельгии при первых известиях о голоде в России «Комитет помощи русским детям» полагал первоначально осуществлять свою задачу путем вывоза детей из голодающих районов в Бельгию и размещения их в специально созданных детских учреждениях – приютах, колониях, санаториях, школах. Этому предположению комитета не суждено было осуществиться вследствие того, что советская власть со своей стороны выставила неприемлемые для бельгийцев условия, – чтобы обслуживающий детей персонал был подобран самими большевиками, а воспитание и обучение детей в Бельгии проводилось в коммунистическом духе. После этого собранное средства были направлены комитетом на устройство детских питательных пунктов в самой России. Частичным исполнением первоначального плана явилось решение комитета о приеме в Бельгию некоторого количества русских детей-беженцев, главным образом из лимитрофных государств, куда в то время в связи с голодом шел новый поток эмиграции из России. В качестве первого опыта в октябре 1922 г. в Бельгию была привезена из Польши группа из 150 русских детей-беженцев; русская детская колония была первоначально размещена в Вульверингем около Фурнэ, а впоследствии была переведена в Жодуань вблизи Брюсселя. К сожалению, этот опыт получился не вполне удачным; он не произвел на бельгийское общественное мнение благоприятного впечатления и потому оказался последним. В числе детей, подобранных на Варшавских улицах или взятых из концентрационных лагерей, попало в Бельгию немало таких, которые в полной мере испытали деморализующее влияние бездомного бродяжничества и даже преступного уголовного мира. После ряда инцидентов небольшую группу детей пришлось удалить из колонии и даже поместить в бельгийские исправительные приюты. Первоначальный русский персонал был заменен. С переводом детской колонии в Жодуань внутренне её состояние изменилось к лучшему. В 1924 году в колонии состояло 160 детей. Административный персонал школы – бельгийской, а педагогический – русский – состоял из 8 преподавателей и воспитателей. Преподавание в школе велось по программе русской четырехклассной прогимназии. Особое внимание уделялось изучению французского языка. Однако недостаток средств у «Комитета помощи русским детям» в Бельгии привел этот приют к закрытию в конце 1920-х годов.

Воспитание детей русской эмиграции «первой волны» в Бельгии во многом связано с жизнью и деятельностью А.А. Кузьминой-Караваевой.

Анастасия Андреевна Кузьмина-Караваева родилась в 1889 году. О её жизни в России сохранилось немного сведений. Известно, что отец Анастасии Андреевны – Андрей Николаевич Селиванов (5 августа 1847 – 15 июля 1917) – русский генерал. В 1866 году он окончил Михайловское артиллерийское училище, затем служил в 14-й артиллерийской бригаде. В 1867 году вышел в отставку, а затем вновь поступил на службу в полевую пехоту артиллерию. Участник русско-турецкой войны 1877–

1878 г. В 1878 году окончил Николаевскую академию Генерального штаба. С 10 марта 1899 года – начальник штаба Приамурского военного округа. Участник китайской кампании 1900–1901 гг., русско-японской войны 1904–1905 гг. За боевые отличия награжден золотым оружием и орденом Св. Георгия 4-й степени. В 1906–1910 гг. – Иркутский генерал-губернатор, командующий войсками Иркутского военного округа и войсковой наказной атаман Забайкальского казачьего войска, генерал от инфантерии, с 21 июля 1910 – член Государственного совета.

21 октября 1914 года Андрей Николаевич Селиванов был назначен командующим Блокадной армией, на которую возложена осада крепости Перемышль. За успешное взятие крепости награжден орденом Святого Георгия 3-й степени. Из-за болезни был вынужден 5 апреля 1915 года покинуть пост командующего армией, оставаясь только членом Государственного совета.

Муж Анастасии Андреевны – Аглай Дмитриевич Кузьмин-Короваев (Караваев) (23.05.1864–1918) происходил из известной военной семьи. Его отец – Дмитрий Николаевич Кузьмин-Караваев (1818–1883) – генерал от инфантерии, дяди – Николай Николаевич и Твердислав Николаевич были контр-адмиралами; брат Николай Дмитриевич – генерал русской армии. Аглай Дмитриевич окончил Пажеский корпус (1882) и был выпущен подпоручиком в 1-ю полевую конно-артиллерийскую батарею. В 1891 году он окончил Николаевскую академию генштаба, участник Первой мировой войны, начальник 1-й Донской (18.07. – 15.08.1914) и 1-й Кубанской казачьей дивизии (03.08.1915 – 18.04.1917). 18.04.1917 г. отчислен в резерв чинов при штабе Минского ВО. Расстрелян большевиками в своем имении в центральной России, где скрывался на нелегальном положении.

Как показывают воспоминания современников, «уже в России Анастасия Андреевна отличалась неутомимым характером и отвагой» [7]. Интересен, например, такой факт: в мае 1914 года в Петербурге во время 4-й Авиационной недели Анастасия Андреевна Кузьмина-Караваева составила компанию известному авиатору французцу Пуарэ, который считался «мастером воздушного танго», «королем воздуха». Он проносился буквально над самыми головами зрителей и снова взмывал в небеса, за что его прозвали «французским дьяволом». Дамы со страхом закрывали глаза, да и мужчин пугали рискованные полеты французца. Авиатор даже танцевал в воздухе, раскачивая свою машину из стороны в сторону. «Давно всем известна неустрашимость русских женщин, – писал современник, – и когда Пуарэ объявил, что хочет сделать "мертвую петлю", имея пассажиркой русскую женщину, то за один день получил более тысячи предложений. Честь проделать "мертвую петлю" выпала госпоже Кузьминой-Караваевой. Без страха уселась она в аппарат, и через несколько мгновений она уже носилась в поднебесье во власти "короля воздуха". А тот, достигнув высоты триста метров, проделал одну за другой несколько "мертвых петель". Отважная петербурженка принадлежала к высшему свету Петербурга: она была супругой генерал-майора А.Д. Кузьмина-Караваева и дочерью генерала от инфантерии, члена Государственного совета А.Н. Селиванова. Как оказалось, на самолете она летала впервые». «Полетами авиаторов я интересовалась уже давно и все время тайла мечту полететь

с кем-нибудь из известных завоевателей воздуха, – заявила она после полета. – Полет вниз головой длился всего несколько секунд, но сколько нового, захватывающего он дал мне. Могу только сказать, что приятное чувство у меня чередовалось с тяжелым» [8].

После октябрьского переворота жизнь Анастасии Андреевны в Петрограде была связана с антибольшевистской работой: «Её часто можно было видеть в 1918 году в Комиссариате юстиции на Екатерининской, 1 или в квартире Протопопова, где тогда укрывался центр тайной Алексеевской организации. Она служила живой связью между этим центром и заключенными по тюрьмам лучшими русскими людьми. Не щадя ни личной энергии, ни расшатанного здоровья, самоотверженно, ни страшась ни Дзержинского, ни Урицкого, ни Бокия, ни Яковлевой, она вкладывала всю свою душу в дело борьбы за Великую национальную Россию» [9].

В начале 1920-х годов после гибели семьи с потоком беженцев Анастасия Андреевна оказывается в Константинополе, где, опираясь на поддержку представителя Красного Креста Семена Николаевича Бабенко (ставшего впоследствии её мужем), организует приют для беспризорных русских детей. Забота о чужих детях стала главным делом её жизни. Воспитание, полученное Анастасией Андреевной, не позволило ей остаться равнодушной к чужим бедам, хотя хватало и своих – и отсутствие собственных материальных средств, и личная трагедия, связанная с гибелью семьи. Уже в Константинополе А.А. Кузьмина-Караваева запомнилась соотечественникам как «ровная, как-то источающая из себя благожелательство, примиряющая, утешающая одним своим присутствием, вся какая-то не своя, а наша общая, всегда думающая о других и умеющая всех расположить к себе и к своему делу» [9].

В феврале 1923 года приют переезжает в Бельгию. По сведениям Лиги Наций в 1924 г. в Бельгии насчитывалось 10 тыс. русских беженцев. Большинство из них были военные, так как бельгийский король Альберт I (1909–1934) – «Король солдат» – благосклонно и с уважением относился к русским военным – союзникам в Первой мировой войне.

Приют А.А. Кузьминой-Караваевой эвакуируется из Константинополя в Бельгию в феврале 1923 года в составе 146 детей и 104 взрослых – родителей и воспитательского персонала и первоначально размещается в г. Льеж. Однако на новом месте пансиону не удалось закрепиться и привлечь поддержку бельгийских общественных и правительственных кругов. Сложность в управлении подобным учреждением была связана со своеобразным возрастным составом (в нем были соединены дети всех возрастов, начиная от грудных младенцев до пятнадцатилетних подростков), и с отсутствием материальной поддержки. Анастасия Андреевна вместе с коллегами прикладывает неимоверные усилия, чтобы обеспечить жизнедеятельность приюта, а также пытается разыскать родителей детей, так как Гражданская война и эвакуация разбросала их по разным странам, и в ряде случаев ей удается воссоединить потерянных детей с родителями. Однако положение пансиона с течением времени становится все более тяжелым: не хватает средств на отопление, одежду, белье. В ноябре 1923 года Льежский муниципалитет счел необходимым перевести детей на питание в городских столовых. Дети

школьного возраста обучались в бельгийских школах, проходя в пансионе национальные предметы – русский язык, географию и историю России, Закон Божий. Как писалось в 1924 году: «По-видимому, ликвидация пансиона неизбежна в ближайшем будущем. Детей младших возрастов предполагается поместить в бельгийский приют, а детей школьного возраста – в бельгийские колледжи» [2].

Однако этого не произошло благодаря энтузиазму и поистине героическим усилиям Анастасии Андреевны. В 1924 году приют переехал в Гансхорен, а в 1929 – в Брюссель, где на средства «Благотворительного комитета бельгийских матерей» и деньги русских меценатов (в частности кн. Щербатовой) арендуется здание для проживания и строится православный храм Св. Пантелеймона. Воспитанники приюта посещали бесплатно бельгийские школы, получая там общее образование, а русские предметы изучали в школе при храме. Выпускники приюта часто продолжали проживать в нем, оказывая посильную материальную поддержку: так, в 1936 году в приюте проживало 5 выпускников-студентов и 6 человек работающих.

Огромную роль в жизни приюта играли православные священники – о. Владимир Федоров, о. Георгий Тарасов, а также бессменные воспитатели и преподаватели – Мария Аракеловна Калустова, регент храма, бывший летчик – Сергей Павлович Хмелевский, Аргира Всеволодовна Даниель-Бродская, Мария Васильевна Крылова, обучающая воспитанников русской литературе, полк. Кутырев, преподававший русскую историю.

День воспитанников традиционно начинался с зарядки, затем шел завтрак, состоящий преимуще-

ственно из овсяной каши. Затем – занятия в школе, где учащиеся получали бесплатный обед, а во второй половине дня – занятие русскими предметами. Традиционными были национальные праздники, устройство ёлки, летом – выезд на море.

Однако в 1940 году умерла Анастасия Андреевна, что стало для приюта невосполнимой утратой. «Русский еженедельник в Бельгии» писал: «Как родная мать скорбела она о каждом ребенке; её кротость, обаятельность и сильная любовь к детям приобрела их взаимную любовь к ней <...> Верная хранительница заветов всего русского, она наставляла детей на жизненный путь, давала им уроки жизни, освещенные многолетней своей опытностью и знанием, внушала им веру в Бога, смирение, кротость, любовь и надежду на скорое возрождение национальной России <...> Она была редким примером не только для своих детей, но и для посторонних, всех, кто приходил к ней за советом и помощью она ободряла, очаровывала своей приветливостью и всем протягивала братскую руку помощи, хотя и сама со своими питомцами часто очень и очень нуждалась» [9].

Смерть Анастасии Андреевны и начавшаяся вскоре война положили конец существованию русского приюта. К сожалению, большинство документов, связанных с его деятельностью, архивы исчезли во время войны. Однако храм Св. великомученика и целителя Пантелеймона в Брюсселе уцелел и продолжает свою деятельность и в наши дни, и память об Анастасии Андреевне Кузьминой-Караваевой, спасшей и воспитавшей несколько десятков русских детей, продолжает жить до сих пор.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Ханова, Т.Г. Становление и развитие дошкольного воспитания в Российском Зарубежье (1920–1930-е гг.) : дис. ... канд. пед. наук [Текст] / Т.Г. Ханова. – Нижний Новгород, 2002. – С. 71.
2. Зарубежная русская школа (1920–1924) [Текст] / сост. В.В. Руднев. – Рязань : Изд. Российского Земско-Городского комитета, 1924. – С. 5.
3. ГАРФ ф.Кр-5772, оп.1, д.52, л. 31.
4. Стевенс, Д. Русские в Бельгии [Текст] / Д. Стевенс // Нансеновские чтения 2007. – СПб. : Сударыня. – 2008. – С. 442.
5. Белявский, Н.С. Кардинал Мерсье и русская эмиграция в Бельгии [Текст] / Н.С. Белявский // Берега: Информационно-аналитический сборник о русском зарубежье. – СПб. : Информационно-культурный центр «Русская эмиграция». – 2008. – Вып. 9. – С. 54.
6. Лирская-Власьева, В. Памяти А.А. Кузьминой-Караваевой [Текст] / В. Лирская-Власьева // Русский еженедельник в Бельгии, – 1940.
7. <http://smena.ru/news/2006/03/06/6869/>.
8. Орлов, В. Памяти А.А. Кузьминой-Караваевой [Текст] В. Орлов // Русский еженедельник в Бельгии. – 1940.